

- зов М.М. Избранные статьи и переводы. М., 1954. [Интернет-ресурс http://az.lib.ru/m/mogozow_m_m/text_0050.shtml]
11. Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М., 1999.
 12. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б., Кузнецов А.Ю. Теория и практика художественного перевода. М., 2005.
 13. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы и аспекты. М., 2000.
 14. Элитарное и массовое в русской художественной культуре. Сб.ст. М., 1996.
 15. Бесплодные усилия любви. Пер. П.И. Вейнберга // Шекспир. У. ПСС/ Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. Т.1, 1903. С. 113 – 180. (Интернет-ресурс http://rus-shake.ru/translations/Loves_Labours_Lost/Veinberg/1903/)
 16. Бесплодные усилия любви. Пер. К.И. Чуковского // Чуковский К.И. Собрание сочинений в 6 т. Т.6 - М.: Художественная литература, 1966. С.518-569.
 17. Бесплодные усилия любви. Пер. Ю. Корнеева // Шекспир. У. ПСС в восьми томах./ Под общей ред. А. Смирнова и А. Аникста. М.: Искусство, 1958. Т.2. С. 393 – 512. (Интернет-ресурс: http://www.kulichki.com/moshkow/SHAKESPEARE/shks_12.txt)
 18. Бесплодные усилия любви. Пер. М.А. Кузьмина.// Шекспир. У. ПСС в восьми томах. М.– Л.: Изд-во «ACADEMIA», 1937, Т.1. (Интернет-ресурс http://media.astelecom.ru/books/lib.ru/SHAKESPEARE/shks_1.txt.html)
 19. Потерянные Труды Любви. Пер. А.Л. Соколовского. // Шекспир в переводе и объяснении А.Л. Соколовского. в 12 т. Т.8 – СПб.: Изд-во А.Ф. Маркс, 1909. С.247 – 336.
 20. William Shakespeare. Loves Labours Lost (Интернет-ресурс http://www.shakespeareliterature.com/Loves_Labours_Lost/0.html)

Zh. Nikolaeva,
PECULIARITIES OF PERIPHRAISIS IN
POETIC TRANSLATION

Abstract: The author examines the problems of periphrasis. This stylistic device is analysed from the point of view of translation theory and practice.

Key words: periphrasis, poetic translation, elite culture, Shakespeare's ideostyle

УДК 811.111

Пугина Е.Ю.

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНДИЙСКИХ РЕАЛИЙ В РОМАНЕ А. КОНАН ДОЙЛА «ТАЙНА КЛУМБЕРА»)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с понятием экзотической (безэквивалентной) лексики с точки зрения её межъязыковой передачи при переводе художественного текста. Отмечается необходимость учитывать степень понятности относящихся сюда слов для первичной и вторичной аудитории, принимая во внимание степень её знакомства с соответствующими явлениями и понятиями. В этой связи рассматривается роль индийских реалий в романе А. Конан Дойла «Тайна Клубера» и анализируется их репрезентация в русском переводе.

Ключевые слова: экзотическая лексика, реалии, безэквивалентная лексика, художественный текст, этнографические лакуны, англоязычное произведение, «англо-индийской» культуры

Уже при поверхностном сравнении трудов отечественных лексикологов, с одной стороны, и специалистов в области теории перевода – с другой, бросается в глаза одна характерная осо-

бенность. И там и там, как правило, отводится определённое место рассмотрению словарных единиц, референт (денотат), которых обладает ярко выраженной национально-культурной спецификой, т.е. не имеет прямых соответствий (эквивалентов) в других языках. Однако в первом случае (лексикология), скорее всего, будет использован термин «экзотизм», тогда как во втором, скорее всего, предпочтение будет отдано понятию «реалии».

Процитируем в связи со сказанным две дефиниции.

«Экзотизмы – слова, которые характеризуют специфические национальные особенности жизни разных народов и употребляются при описании нерусской действительности» [Голуб 2007, 288].

«Реалии – 1. Слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. 2. Разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой и переводо-

ведением, такие, как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке. 3. Предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова. 4. Слова, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта» [Нелюбин 2003, 178].

Если сопоставить определение И.Б. Голуб с первым и четвёртым толкованием, содержащимся у Л.Л. Нелюбина (два остальных, как не имеющие прямого отношения к предмету настоящей статьи, мы сейчас оставляем в стороне), то можно заметить следующее. С одной стороны, мы наблюдаем несомненное сходство (в обоих случаях акцентируется отсутствие прямого параллелизма с другими языками и культурами). Указанное обстоятельство, кстати, дало основание определять данную разновидность лексики в терминах психолингвистики как этнографические лакуны, «возникающие благодаря отсутствию тех или иных реалий в данной культуре по сравнению с другой» [Исследования 1985, 199]. С другой стороны, несомненно и определённое несовпадение, проявляющееся в том, что понятие реалии трактуется несколько шире экзотизма в собственном смысле слова. Действительно, если обратиться к широко известной работе С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе», которая давно уже пользуется репутацией наиболее авторитетного труда, посвящённого проблеме реалий, то можно легко заметить, что в нём находится место и таким явлениям, как фразеологические единицы, отклонения от литературной нормы, иноязычные вкрапления и т.п., с точки зрения лексикологии «экзотизмами» как таковыми, вероятно, не являющимся [Влахов, Флорин 1986]. Поэтому в переводоведческих трудах нередко отмечается тенденция рассматривать реалии («безэквивалентную лексику») как более широкое понятие, одной из разновидностей которого можно признать и экзотическую лексику. Что же касается разграничения понятия реалий и безэквивалентной лексики, то наиболее подробно в специальной литературе данная проблема рассмотрена в известной работе С. Влахова и С. Флорина, в которой авторы отмечают, что они «назвали бы **собственно безэквивалентной лексикой** или **БЭЛ в узком смысле слова** – единицы, не имеющие по тем или иным причинам лексических соответствий в ПЯ (переводящем языке – Е.П.)», тогда как «**реалии** входят как самостоятельный круг слов в рамки БЭЛ» [Влахов, Флорин 1986, 51-52]. Признавая определён-

ную целесообразность проведённого нашими болгарскими коллегами разграничения, мы, тем не менее, сочли возможным не останавливаться в предлагаемой статье на указанном различии, как не имеющем принципиального значения для целей настоящего сообщения. Отметим, кстати, что и даваемая в не менее известном труде Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова трактовка безэквивалентной лексики, определяемой как «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т.е. к культурным элементам, характерным для культуры А и отсутствующим в культуре Б, а также слова, не имеющие перевода на другой язык, одним словом, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [Верещагин, Костомаров 2005, 53], – также соотносит эти понятия как весьма близкие.

Напомним также, что в более ранних работах, посвящённых интересующей нас проблеме, отмечалась тенденция к более узкому толкованию экзотизмов как «слов... из малоизвестных языков» [Ахманова 2007, с. 214]. Однако, как отмечалось многими исследователями, здесь, скорее всего, решающую роль сыграла этимология слова *экзотический* – «причудливый», «малознакомый». Между тем, как хорошо известно, став термином, та или иная лексическая единица может достаточно сильно отойти от своего первоначального значения – достаточно вспомнить, как соотносятся со своими прототипами такие относящиеся к компьютерной технике лексемы, как *файл* или *монитор*... Впрочем, если говорить о тех представителях экзотической лексики, которым посвящена предлагаемая статья, то, на первый взгляд, и такая трактовка особых возражений не вызовет – вряд ли требует особых доказательств тот факт, что индийские языки (в отличие, скажем, от античных, основных западноевропейских или – если оставаться в рамках «восточной» специфики – тюркских) не относились к числу наиболее активных «доноров» лексического состава русского языка, а в большинстве популярных учебных пособий, где речь идёт о заимствованной лексике, проникшие отсюда слова вообще не упоминаются [см., например: Розенталь, Голуб, Теленкова 2001].

Разумеется, данное положение нельзя понимать упрощённо. То, что связи нашей страны с Индией имеют давнюю традицию – факт широко известный и в доказательствах, вероятно, не нуждающийся. Достаточно вспомнить «Хождение за три моря» Афанасия Никитина или слова Н.М. Карамзина: «Даже из самой глубины Индостана,

с берегов Гангеса (т.е. Ганга – Е.П.) в XVI веке приезжали послы в Москву, и мысль сделать Россию путём Индейской (индийской – Е.П.) торговли была тогда общему» [Карамзин 1997, 478]. В XIX и особенно XX веках этот процесс, естественно, значительно усиливается (кстати, определённый вклад в знакомство отечественного читателя с классическим произведениями древнеиндийской культуры внесли и сам Н.М. Карамзин своим переводом нескольких сцен «Шакунталы», и В.А. Жуковский, воссоздавший отрывок из «Махабхараты» под заглавием «Наль и Дамаянти»). Однако думается, что сформулированное выше положение об относительно небольшой степени интенсивности русско-индийских языковых контактов, тем не менее, остаётся в силе. Так, автор относящегося к девяностым годам прошлого века специального исследования об экзотизмах индийского происхождения в русском языке насчитал около 800 таких лексем, оговорив, однако, что лишь от 5 до 10 процентов последних можно рассматривать как достаточно прочно вошедшие в русский язык, тогда как подавляющее большинство из них (в первую очередь речь идёт о заимствованиях из санскрита и хинди как наиболее важных источников) ограничены в употреблении текстами, специально посвящёнными Индии [Рекха 1994, с. 4]. Вероятно, в этом отношении не будет выглядеть слишком смелым допущение, что применение их зачастую вообще носит в известной степени индивидуальный характер и скорее относится к *речи*, а не к языку в собственном смысле слова.

С английским же дело обстоит в значительной степени по-другому. Почти двухвековое соприкосновение с Индией на правах колониальной метрополии, наличие на протяжении XIX - первой половины XX столетия своеобразного феномена «англо-индийской» культуры, ярчайшим представителем которой стало творчество Р. Киплинга, сделало «индийский пласт» одним из наиболее заметных составляющих не только речи проживавших на территории Индии британцев (а их число, по приблизительным подсчётам, достигало почти четырёх миллионов), но и лексической системы английского языка, во всяком случае, поскольку речь идёт о его собственном британском варианте. Не случайно, что достаточно давно стали появляться весьма обширные «англо-индийские» словари, насчитывающие множество слов как собственно «индийских» (т.е. проникших из различных языков коренного населения страны), так и имеющих иное происхождение (арабское, португальское и др.), но в той или иной степени связанное с Ин-

дией. Как отмечали составители одного из таких словарей ещё в восьмидесятые годы XIX столетия, множество такого рода слов и выражений не только звучат для английских ушей как вполне знакомые, но и полностью освоены английским языком и удостоились места даже в Большом Оксфордском словаре [Yule & Burnell 1996, p.XVI].

Сказанное, на наш взгляд, позволяет сделать существенно важный с интересующей нас точки зрения вывод. Хотя с собственно лингвистической точки зрения индийская лексика, связанная с жизнью, бытом, нравами, обычаями, верованиями этой страны, вероятно, должна быть признана «экзотической» и для русского, и для английского языков, но то, что можно было бы назвать «степенью экзотичности» входящих сюда слов, для первого и второго явно различна (исключение, естественно, будут составлять лексемы типа *джунглей*, *йоги* или *пиджамы*, давно уже вошедшие в состав многих языков мира). Поэтому перед переводчиком англоязычного произведения, с более или менее заметным спектром «индийской» лексики часто стоит задача «довести» её до своего читателя как обладающего в данной области гораздо меньшей совокупностью фоновых знаний, нежели та аудитория, на которую был рассчитан исходный текст.

В качестве конкретного примера мы хотели бы предложить несколько параллелей из романа А. Конан Дойла «Тайна Клубера» и обнаруженного нами в Интернете его перевода на русский язык, принадлежащего В. Штейнбергу.

Целесообразно сразу же отметить один момент. В отличие упоминавшегося выше Р. Киплинга, жизнь и биография которого были тесно связаны с Индией и в творчестве которого «индийский цикл» занимает одно из ведущих мест, для А. Конан Дойла, сочетавшего логическую ясность и трезвость автора прославленных детективных произведений с не менее сильной увлечённостью спиритизмом и потусторонними явлениями, отразившуюся как в специальных трудах, так и в ряде художественных произведений, Индия была прежде всего страной с древней мистической традицией, овеянной «мудростью веков». Именно в этом качестве и фигурируют в романе «Тайна Клубера» наделённые сверхъестественными способностями жрецы, прибывшие в Англию для исполнения приговора над английским генералом, много лет назад запятнавшим себя во время подавления восстания страшным преступлением – убийством мудрого старца, бывшего наставником и учителем посвящённых.

Указанный момент во многом предопределил и характер индийской лексики, использован-

ной писателем. В частности, обращает на себя внимание, прежде всего, относительно большое количество мифологических и философских терминов и понятий (Djarma, Brahminism, Rig-veda, Sama-veda, Atharva-veda, Brahmanas, Sannasis, Yogis и др.), которые составляют чуть меньше половины всех использованных писателем экзотических слов. А вот собственно реалии в наиболее распространённом понимании – как лексические единицы, отражающие особенности жизни и быта народов Индии (например, gurees) – представлены в значительно меньшей степени, поскольку повседневная индийская жизнь как таковая находится, естественно, за пределами данного произведения.

Из других примеров экзотической лексики, отражённой в тексте романа, можно отметить упоминания о памятниках санскритской литературы (puranas, Ramayana), слова, относящиеся к социальной сфере, в частности названия каст, профессий и т.п. (serou, Brahman, coolies) и др.

Переходя к вопросу о функционировании указанных единиц в переводном (русском) тексте, остановимся на следующих моментах.

Прежде всего – как неоднократно отмечалось в специальной литературе – при передаче текста, содержащего экзотическую лексику (реалии), встаёт вопрос об осмыслении последней. Автор «Тайны Клумбера», вводя её в своё повествование, вероятно, исходил из двух соображений: отмеченном выше относительно хорошем знакомстве со словами индийского происхождения английского читателя (не случайно составители упомянутого выше «англо-индийского» словаря подчёркивали, что их можно встретить и в достаточно непринуждённо-фамильярной английской речи [см. Yule & Burnell 1996, IX p.] и – учитывая характер преобладающей в произведении лексики – на характерный в период создания романа для той аудитории, на которую был рассчитан текст, интерес к восточной, в частности, индийской, философии и религии. Поэтому в ряде случаев отдельные предложения оказываются весьма насыщенными такого рода экзотизмами. Приведём, в частности, следующий пример:

He is one of those holy men who, under the various names of Sannasis, Yogis, Sevras, Qualanders, Hakims and Cufis have devoted their lives to the study of Buddhist fate [Conan Doyle, 42-43].

Надо признать, что переводчик оказался в данном случае перед довольно нелёгкой дилеммой: либо вслед за автором просто транскрибировать/транслитерировать использованные им лексические единицы (причём, скорее всего, исходя из их английской репрезентации, поскольку

судить о том, как они выглядят в своём, так сказать, исконном виде на основе самого оригинального текста вряд ли возможно), либо провести кропотливую филологическую работу, снабжая каждую из них соответствующими пояснениями. В. Штейнберг в данном случае предпочёл первый путь: «*Это один из трёх посвящённых, которые известны под различными именами: санназисов, йогов, севрасов, кваландерсов, хакимов и куфисов. Они посвящали свою жизнь изучению тайн буддийской религии*» [Конан Дойл, 40]. Подобное решение вряд ли вызовет одобрение со стороны теоретиков художественного перевода. Однако думается, что некоторые основания в данном случае у него в какой-то степени могли быть. С одной стороны, перегруженность глоссами и комментариями художественного текста, тем более относящегося к подобному жанру, не слишком способствует читательскому восприятию последнего; с другой – общий смысл высказывания в целом понятен (ясно, что речь идёт о людях, посвящённых в высшие религиозные таинства и наделённых сверхъестественными способностями), а различие между санскритским *йогом* и арабским *хакимом*, как представляется, принципиального значения в данном случае не имеет.

Однако приходится признать, что далеко не всегда такой подход может быть признан оправданным. Вряд ли можно отрицать, что в произведении с отчётливо выраженной религиозно-мистической окраской лексика, относящаяся к сакральным источникам последней, принадлежит к числу ключевых слов, и это обстоятельство должно быть принято во внимание при ознакомлении с ним иноязычного читателя. Между тем в рассматриваемом переводе оно явно игнорируется, и переводчик, по сути дела, возлагает на читателя труд самому добыть те сведения, («фонтовую информацию»), предоставление которой, вообще-то, входит в его обязанности. Для иллюстрации приведём следующие фрагменты:

Then tile preface, which must embrace some account of the Rig-veda, the Sama-veda, the Yagur-veda, and the Atharva-veda, with the Brahmanas, could hardly be completed in less then ten volumes [Conan Doyle, 30].

Кроме того, предисловие, которое должно охватить Ригведу, Ягурведу и Атарведу вместе с Брахманас, вряд ли уместится менее чем в десяти томах [Конан Дойл, 28].

If you consult the Puranas you will find that this theory, though commonly received, is entirely untenable [Conan Doyle, 40].

Если вы обратитесь к Пуранам, вы увидите, что эта теория, хотя и имеет широкое распро-

странение, полностью неверна [Конан Дойл, 28].

При рассмотрении процитированных отрывков обращают на себя внимание сразу несколько моментов.

Во-первых, по совершенно непонятной причине переводчик опустил при передаче слово *Sama-veda*, что трудно объяснить чем-либо, кроме невнимательности.

Во-вторых, хотя, разумеется, в художественном тексте не приходится требовать глубоких и всесторонних сведений из философии и мифологии, тем не менее, некоторых разъяснений, как нам кажется, читатель ждёт вполне вправде. В частности, даже учитывая, что само понятие Вед не чуждо многим (если не большинству) представителям той русскоязычной аудитории, для которой предназначается перевод, упомянуть о том, что они, будучи священными книгами индуизма, распадается на четыре санхита (сборника): Ригведу – собрание гимнов, Самаведу (как мы видели, вообще не фигурирующую в русском тексте) – жертвенные песни, Яджурведу – жертвенные изречения и Атхарведу – песни-заклинания, тогда как брахманы – ритуальные тексты, вместе с некоторыми другими книгами были присоединены позже, вероятно, всё-таки стоило.

В-третьих, термин *пураны* явно не относится к числу широкоизвестных русскому читателю. Между тем эти написанные на санскрите уже после Вед произведения, в которых описывается история вселенной, генеалогия царей и полубогов, различные предания и др., играют в индийской культуре достаточно важную роль, что также требовало хотя бы элементарного разъяснения.

В-четвёртых, вызывает некоторое недоумение форма *Брахманас*. Судя по тексту, здесь речь идёт о ритуальных текстах – *брахманах*, тогда как *s* в английском оригинале явно представляет собой показатель множественного числа, воспроизведение которого в русской транслитерации никак не может быть признано оправданным.

Наконец, в-пятых, остановимся ещё на одном моменте. В английском тексте фигурирует лексема *Yagur-veda*, которая и была воспроизведена переводчиком. Между тем в отечественной традиции – в соответствии с санскритским произношением – более принята форма *Яджурведа*, которую, вероятно, и следовало бы использовать.

Аналогичное замечание можно сделать и по поводу следующего предложения: «*Это не что иное как английский перевод Буддийской Джармы с предисловием, проливающим свет на положение браминизма перед приходом Сакья-Муни*» [Конан Дойл, 28]. Формально здесь действительно воспроизведена соответствующая

фраза оригинала: “*This is nothing less than to publish an English translation of the Buddhist Djarmas, with a preface giving an idea of the position of Brahminism before the coming of Sakyamuni*” [Conan Doyle, 30]. Однако признать его полностью удачным вряд ли возможно. Прежде всего, отметим, что в отечественной традиции более закрепилось написание и произношение *дхарма*; кроме того, русскому читателю, не интересовавшемуся специально буддийской философией, вряд ли особенно известно, что данным термином (дословно – «то, что удерживает или поддерживает») обозначается одно из важнейших её понятий – путь благочестия.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают случаи, когда налицо стремление сделать текст более понятным путём замены реалии. Так, в подлиннике один из персонажей характеризуется следующим образом: “*I am much mistaken if this young gentleman’s father is not Mr. James Hunter West, whose name is known and honoured by the pundits of India*” [Conan Doyle, p. 36]. Слово *pandit*, достаточно широко вошедшее в английский язык и часто используемое иронически в значении «учёный муж», представляло собой почётное звание учёного брахмана, а также использовалось для обозначения высокообразованного человека, обладавшего большими знаниями в области классической литературы на санскрите. Справедливо полагая, что отечественному читателю оно известно значительно меньше, переводчик предпочёл передать процитированный фрагмент следующим образом: «Я не ошибусь, если скажу, что отец этого молодого человека – мистер Джон Хэнтер Уэст. Его имя известно и пользуется большим уважением у браминов в Индии» [Конан Дойл, 33]. Очевидно, здесь сыграло роль соображение, что слово *брамин* (*брахман*) в значении «член высшей касты индуистского общества» лучше известно аудитории, для которой предназначался перевод, и к тому же неоднократно используется самим автором. Однако возникает вопрос о том, насколько такой способ разъяснения одного экзотизма через посредство другого оправдан в этом случае: ведь далеко не каждый брамин может быть назван *пандитом*, поскольку данная лексема подчёркивает в большей степени образованность, а не сословную принадлежность, а в приведённом эпизоде наиболее важным представляется как раз то обстоятельство, что уважение к герою питают именно наиболее учёные представители упомянутой касты.

Таким образом, можно констатировать, что при перенесении экзотической лексики из исходного текста в процессе межъязыковой передачи возникает ряд существенно важных моментов,

учёт которых представляется необходимым для достижения адекватности перевода оригиналу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: URSS, 2007. – 569 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Индрик, 2005. – 1037 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
4. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Альта-пресс, 2007. – 446 с.
5. Исследования речевого мышления в психолингвистике. – М.: Наука, 1985. – 240 с.
6. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 4. – Ростов н/Д.: Феникс, 1997. – 544 с.
7. Конан Дойл А. Тайна Клумбера. Переводчик В. Штейнберг. // <http://www.conandoyle.narod.ru/other/secret.ru.txt> – 56 с.
8. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
9. Рекха Ш. Индийская экзотическая лексика в русском языке. Автореферат дисс...канд. филол. наук. – Минск, 1994. – 17 с.
10. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. – М.: Рольф, 2001. – 448 с.
11. Conan Doyle A. The mystery of Cloomber. // <http://www.conandoyle.narod.ru/other/cloom.txt>. – 60 p.
12. Yule H. & Burnell A.C. Hobson-Jobson. The Anglo-Indian Dictionary. – Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd, 1996. – XLVIII+1020 p.

E. Pugina

EXOTIC LEXICS IN THE ORIGINAL AND TRANSLATION TEXTS (on the basis of Indian realities in the novel "THE MYSTERY OF CLOMBER" by A. Conan Doyle)

Abstract. The article is devoted to some aspects connected with the term of exotic (without equivalents) lexics from the point of view of interlingual communication while translating the text. It is necessary to take into account the degree of understanding of these realities for the audience paying attention to its acquaintance with the corresponding objects and notions. In this connection we consider the role of Indian realities in the novel "The mystery of Cloomber" by A. Conan Doyle and their representation in Russian is analysed.

Key words:

УДК 801.03+82.035+806.0

Сак А.Н.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ И ГЛАГОЛОВ ВОСПРИЯТИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ИСПАНСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В статье анализируется поведение ментальных глаголов и глаголов восприятия при переводе с испанского языка на русский и наоборот. Сравниваются актантные структуры соответствующих предложений, степень концептуализации процессов, событий и фактов. Анализируются диатетические структуры предложений, а также особенности таких участников, как Наблюдатель, Эксперимент, Каузатор. Сравнивая испанские предложения, в которых в качестве формального Наблюдателя выступает неодушевленный предмет и зачастую участник Место, автор приходит к выводу о необходимости более глубокой концептуализации данной ситуации, события, процесса на русском языке для адекватного их перевода.

Ключевые слова: актантная структура, ранг участника предложения, ментальный глагол, глагол восприятия, персонификация, метонимия, диатетический сдвиг.

Как отмечают исследователи семантичес-

ких составляющих русских глаголов, в толкование таких глаголов русского языка, как «появиться», «возникать» и др. входят как компонент «начал находиться», так и «начал быть видимым» [Падучева Е.В. 2004,67; Апресян Ю.Д. 1974, 129].

«Появился Петя» → начал находиться, начал быть видимым.

«Дома возникли из тумана» → начали быть видимыми.

Такая же ситуация и с генетивными конструкциями:

«Вани в комнате не было» → из этого следует, что Наблюдатель его не видел. Переход «быть видимым» → «существовать» свойствен глаголу «обнаружить». Так «У обнаружил X» в исходном значении ≈ У увидел X (т. е. X стал виден), а производное значение X «начал быть» [Падучева, 2004].

La zona euro, que se declaraba al margen, verá este año como su tasa de crecimiento bajará a 1,4%, frente al 2,6 % de 2007 [El País 02.05.07].

В данном примере посредством персонифи-